КУЛЬТУРОЛОГИЯ/ CULTURAL SCIENCE

УДК 130.2

СМЕНА ПОКОЛЕНИЙ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

CHANGE OF GENERATIONS: METHODOLOGICAL ASPECTS

©Каланова С. М.
Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека
г. Ташкент, Узбекистан, sabo_77@mail.ru
©Kalanova S.
Ulugbek National University of Uzbekistan
Tashkent, Uzbekistan, sabo_77@mail.ru

Аннотация. В статье представлены различные теоретические подходы в изучении понятия «поколение» на разных этапах его исследования. Сравнительно-исторический метод позволил выяснить, как складывалось понятие, какое в него вкладывалось содержание на разных этапах общественного развития. Понимание поколения как многозначной категории, требующей междисциплинарного подхода, пришло не сразу, и только социокультурный подход позволяет рассмотреть понятие поколение в общесодержательном плане. Автор статьи на основе проведенного теоретического анализа уточняет определение поколения. Следует отметить, что термин «поколение» употребляется в различных вариантах, имеет системный характер, который можно проанализировать в ходе изучения межпоколенческих взаимодействий.

Abstract. The article presents the different theoretical approaches in the study of the concept of “generation” at different stages of research. Comparative–historical method allowed to find out how the concept evolved, what it invests content at different stages of social development. Understanding of generation as a multi–valued category, which requires a multidisciplinary approach, it is not immediately and only socio–cultural approach allows us to consider the concept of generation obschesoderzhatelnom plan. The author conducted on the basis of theoretical analysis clarifies the definition generation. It should be noted that the term “generation” is used in various embodiments, the system has a character that can be analyzed through the study of intergenerational interactions.

Ключевые слова: поколение, межпоколенные взаимодействия, поколенная общность, проблемы поколений.

Keywords: generation, intergenerational interaction, generational community, problem of generations.

Как известно, в современной социологии в исследовании исторический памяти широко применяются такие методы, как дискурс–анализ, нарратив–анализ, поколенческий анализ и другие. Любая наука, взятая изолированно, представляет лишь некий фрагмент всеобщего движения к знанию. Чтобы правильно понять и оценить методы исследования данных дисциплин — пусть самые специальные с виду — необходимо уметь их связать вполне убедительно и ясно со всей совокупностью тенденций, которые одновременно проявляются в других группах наук. Изучение методов как таковых составляют особую дисциплину.

Понятие «поколение» — широко распространенная аналитическая категория языка повседневности, беллетристики и СМИ, хотя и менее популярно в науке. Оно существует параллельно, но не альтернативно другим категориям анализа и системам видения. Поколенческое видение биографического и исторического материала своими истоками уходит в древность предписьменных времен. В качестве примеров можно привести легенды тюрков, саги Севера и сказания Полинезийских островов, книги Библии и хроники династий Египта. Ранние историографические модели часто опирались на генеалогические цепочки правителей, видя в них основную причину в определении ритмов, заложенных в истории и хрониках. Но, с другой стороны, по мнению А. Ф. Кюгельгена, «история правителей или их сообщества чаще всего не соответствует событиям, имевшим место в действительности, но, тем не менее, может рассматриваться как истинная в том смысле, что эта история для него и многих членов его сообщества — по крайней мере, на протяжении определенного периода времени — имела статус «исторической правды», определяя их восприятие, оценки и действия» [1, с. 27].

Классиками современной теории поколений/когорт (иногда с расширением и на «современников») стали К. Мангейм и Х. Ортега–и–Гассет [2–13]. Мангейм продолжил работу В. Дильтея и М. Вебера, приняв их основные неоконтианские положения. В своем социологическом анализе Мангейм опирался в большой мере искусствоведение Пиндера и его модель художественного стиля определенного поколения, выраженного через понятие основополагающего мотива в нем. Продолжая эту линию анализа, Мангейм предложил понятие *энтелехии* как главного мотива коллективного мышления — у него это *«дух поколения»*, наиболее ярко выраженный его элитой. Введенное Мангеймом понятие «поколенческий союз» занимает здесь положение идейно–политического «авангарда» определенной поколенческой когорты. В работе Мангейма, посвященной поколениям, можно видеть приложение этого теоретического подхода к практическому анализу современной ему истории Германии. [3, с. 572–671].

В видении Ортега биологические процессы переплетаются с культурными. Развитие поколенческих групп определяется типичными связями возраста с типичными характеристиками действия каждого человека. Ортега закладывал количественные параметры пятнадцатилетних «шагов» при определении возрастных категорий: 15–30 лет — молодость, 30–45 — век инициатив, 45–60 лет — время «облачения властью» [4, с. 43–163].

Поколенческий анализ вышел на новую стадию развития благодаря работам американских социологов А. Страусса и В. Глейзера, которые предложили иную концепцию качественного анализа и назвали разработкой *grounded theory*, то есть интеракционное построение мини–теорий в процессе сбора и анализа эмпирических данных. Основное назначение исследовательских идей, возникающих в процессе наблюдений, интервью, как раз и состоит в концептуализации обыденного опыта, считают Глейзер и Страус [5, с. 439].

Как известно, современное развитие человечества характеризуется мобильностью, которая проявляется в разных формах и уровнях в зависимости от состояния и уровня развитости конкретного общества, и является инструментом поколенческого анализа. В традиционных обществах мобильность происходит более замедленными темпами, чем в современных постиндустриальных обществах. Мобильность является основой всякого развития, включая человеческие ресурсы.

Общеизвестно, что в социологии существуют два основных вида социальной мобильности — *межпоколенная* и *внутрипоколенная*, и два основных типа — *вертикальная* и *горизонтальная*. [6, с. 297–302].

Межпоколенная мобильность предполагает, что дети достигают более высокой социальной позиции либо опускаются на более низкую ступеньку, чем их родители. Пример: сын водителя становится профессором университета.

Внутрипоколенная мобильность имеет место там, где один и тот же индивид вне сравнения с отцом на протяжении жизни несколько раз меняет социальные позиции. Иначе такая мобильность называется социальной карьерой. Пример: токарь становится инженером, а затем начальником цеха, директором завода, министром машиностроительной отрасли. Проблемами социальной мобильности занимался российский ученый В. Ядов, который аналитически двигался от достаточно элементарных классификаций событий к некоторым концептуальным обобщениям, кластеризуя эти обобщения в более «емкие» категории, постоянно возвращаясь к транскриптам в поисках аргументов для выдвижения теоретической идеи:

Как считал Марк Блок, «поколения последних десятилетий XIX и первых лет XX века жили, как бы завороженные очень негибкой, поистине контовской схемой мира естественных наук. Распространяя эту чудодейственную схему на всю совокупность духовных богатств, они полагали, что настоящая наука должна приводить путем неопровержимых доказательств к непреложным истинам, сформулированным в виде универсальных законов» [7. с. 12]. Современная наука в лице О. Тоффлера предлагает следующие доказательства социальных изменений. В книге «Шок будущего» он сделал вывод о том, что ускорение социальных и технологических изменений создает все больше трудностей для адаптации внешней и внутренней среды человека. 50 тысяч лет человеческой истории Тоффлер измерил числом поколений, каждое продолжительностью в 62 года. Таких поколений набирается приблизительно 800, 650 из них обитали в пещерах. Только 70 последних поколений узнали письменность, лишь 4 поколения научились более или менее правильно измерять время, только 2 последних пользуются электродвигателем. Подавляющее большинство материальных ценностей, с которыми мы имеем дело в повседневной жизни, впервые создано нынешним, восьмисотым поколением. Количество окружающих нас предметов удваивается через каждые пятнадцать лет. В конце своей жизни нынешний подросток будет жить в предметном мире, в 32 раза превышающем предметный мир его родителей. Внутренний мир человека не сможет приспособиться к окружающему миру и эффективно взаимодействовать с ним. Отсюда — психологический шок, ожидающий человека в недалеком будущем [8, p. 74].

По мнению социолога современности Дж. Урри, в изучении современных обществ важнейшей категорией является «мобильность». Свой подход он формулирует следующим образом: «Я стремлюсь представить манифест социологии, которая изучает различные мобильности — людей, вещей, образов, информации и отходов, а также изучает сложные взаимодействия между этими различными мобильностями и их социальные последствия» [9, p. 3]. Однако мобильность является проявлением социальных отношений, а социальные отношения сегодня изменяются под воздействием «нечеловеческих объектов» — машин, технологий, текстов, образов, физической среды и т. п. Здесь следует отметить оправданность вышеуказанных футурологических выводов О. Тоффлера, в том что ускорение социальных и технологических изменений влияет на мышление и мировосприятие современного поколения.

Социально детерминированная предрасположенность личности или социальной группы к определенному действию в конкретной ситуации называется установкой. Это форма реагирования на стимулы внешней среды субъекта деятельности, стремящегося удовлетворить те или иные потребности. «Среда, в которой обитал человек индустриальной эпохи, — пишет О. Тоффлер, — во многом отличалась от той, в которой жили его предки. Несходными были

даже наиболее элементарные сенсорные сигналы» [10, с. 205]. Рассматривая вопрос о взаимодействии социальной среды и личности, необходимо еще раз обратиться к некоторым общим положениям, и прежде всего к положению о сущности человека. Человек индустриальной эпохи (Industrial Man) отличался от всех своих предшественников. Он повелевал мощностями, которые в значительной степени повышали его слабые силы. Большую часть жизни он проводил в производственной среде, соприкасаясь с машинами и организациями, которые подавляли личность. С детства его учили, что выживание главным образом зависит от денег. Как правило, он вырастал в нуклеарной семье и ходил в стандартную школу. Представление о мире, в основном, складывалось у него благодаря средствам массовой информации. Он работал в крупном акционерном обществе или состоял на государственной службе, был членом профсоюза, относился к определенному церковному приходу, входил в другие организации — в каждом из этих мест он составлял часть своего делимого «Я». Он все меньше отождествлял себя со страной в целом. Он ощущал свое противостояние природе, в процессе трудовой деятельности он постоянно эксплуатировал ее. И все же он парадоксальным образом стремился провести уикенд на лоне природы. Он научился воспринимать себя частью громадной взаимозависимой экономической, социальной и политической системы, постичь которую в целом было выше его понимания [10, с. 204–205]. По сути дела, при таком подходе человек отождествлялся с наличными социальными отношениями, и в первую очередь с производственными, вследствие чего абсолютизировалась его социальная принадлежность.

Прежде всего, еще следует принять во внимание, что при анализе реакций какой-либо социальной группы современного поколения мы имеем дело не с безликой массой, а рассматриваем структуру личности каждого человека. Причем мы обращаем внимание не на те характеристики отдельной личности, которые отличают ее от других, а, наоборот, анализируем те качества, которые являются общими для большинства представителей той или иной группы. Такую совокупность черт характера в социологии называют *социальным характером*. По мнению Э. Фромма, «социальный характер составляет только та совокупность черт характера, которая присуща большинству членов определенной социальной группы и которая появилась как результат общих для всех ее членов переживаний и общего жизненного уклада». [11, с. 340–341]. В социальном поведении как внешнем проявлении деятельности выявляется социальный характер, конкретная позиция человека и его установка. Это форма превращения деятельности в реальные, конкретные действия по отношению к социально значимым объектам. Приведем пример предложенный Ю. Лотманом, крупнейшим эстонским литературоведом и теоретиком языковедения, картины поколенческой истории и поколенческого кризиса XVIII в.: «К концу XVIII века в России сложилось совершенно новое поколение людей. Изменение характеров развивалось с такой быстротой, что в течение столетия мы отчетливо можем различать несколько поколений, своеобразную лестницу человеческих типов.

Люди последней трети XVIII века, при всем неизбежном разнообразии натур, отмечены были одной общей чертой — устремленностью к особому индивидуальному пути, специфическому личному поведению.

Люди начала XVIII века стремились влиться в какую-то группу, стать… частью какого-либо единства, сделать его законы своими собственными правилами. Для человека конца XVIII века, если можно позволить себе такое обобщение, характерны попытки найти свою судьбу, выйти из строя, реализовать собственную личность, что будет психологически обосновывать многообразие способов поведения…

Движение века развивалось от противоречий: «регулярное государство» нуждалось в исполнителях, а не в инициаторах и ценило исполнительность выше, чем инициативу…. Однако (это) противоречило его потребности в сознательной инициативе…. Другая сторона потребностей строилась на принципиально иной основе и порождала совсем иной человеческой тип». [12, с. 31–32]. С точки зрения социологии, мы можем утверждать, что индустриальная эпоха, пронесшаяся над Европой в XVIII веке, создала «пространственно протяженную» культуру на мировом уровне. Люди и идеи перемещались на сотни тысячи километров, многочисленные толпы мигрировали в поисках работы. Товарное производство, рассеянное прежде по полям, теперь сосредоточилось в городах. Разросшееся население теснилось в немногочисленных, плотно заполненных узловых пунктах. Старые селения глохли и вымирали; возникали быстро развивающиеся индустриальные центры, обрамленные дымовыми трубами и огненными печами. И ситуацию, которую наблюдают в XXI веке в постсоветских государствах, можно считать продолжением поколенческого кризиса.

В то же время человеческие возможности все в большей степени определяются сложными взаимосвязями людей, т. е. с «социальной сетью». Ссылаясь на Кастельса, Урри пишет, что конвергенция социальной эволюции и информационных технологий создала новую материальную основу для осуществления тех или иных видов деятельности во всей социальной структуре. По мнению французского исследователя П. Бурдье, сеть — это социальный капитал. Сеть как социальное поле, в котором места индивидов распределены в соответствии с их статусами. Статус в свою очередь зависит от совокупности ценных социальных отношений и полезных связей, которые собственно и представляют социальный капитал. [13, с. 725–737]. В свою очередь природа социальной сети зависит от особенностей процесса социализации. Существуют разные точки зрения на социализацию. В соответствии с одной из них, процесс социализации означает включение природно–биологического индивида в нормальную социальную среду, в результате чего происходит «очеловечивание» животноподобного человеческого существа. В социологии социализация рассматривается как саморазвитие личности в процессе ее взаимодействия с различными социальными группами, институтами, организациями, в результате которой вырабатывается активная жизненная позиция личности.

Материальная основа, встроенная в различные сети, оформляет саму социальную структуру. Сети образуют сложные и устойчивые связи в пространстве и времени между людьми и вещами. Материальная база связана с различными новыми машинами и технологиями, позволяющими ужимать пространство и время: оптиковолоконные кабели, реактивные самолеты, средства передачи аудиовизуальной информации, компьютерные сети, включая Интернет, спутники, кредитные карточки, факсы, мобильные телефоны и т. п. Все эти технологии «несут» людей, информацию, деньги, образы и т. д. Они позволяют, в числе прочего, мгновенно пересекать и пространство национального государства, и его границы. [13, с. 598–599]. XX век был веком драматического роста человеческой мобильности: социальной, профессиональной, экономической, географической — стал периодом меньшего осознания и снижения общественной важности генеалогических связей. В средние века, «тюркский кочевник или афганский вождь знал свое (и своих соплеменников) происхождение до шестого колена и более. В современном обществе немногие помнят имя прадеда (а то и деда). В то же время современное понятие «конструирования» истории возвращает нас частично к теме генеалогии как одной из форм» [2, с. 21–22]. Самость человека — это не изолированная, автономная сущность, она скорее находится в постоянном динамическом взаимодействии с социальном миром. Хотя сейчас отечественные обществоведы много пишут и спорят о менталитете нации или какой-то определенной группы, понятно влияние различных периодов

на мышление поколений. По этому поводу интересно изучить анализы поколенческой истории российского исследователя Т. Шанина.

Нам бы хотелось завершить статью фразой известного историка Марка Блока: «Разумеется, мы теперь уже не считаем, что, как писал Макиавелли и как полагали Юм или Бональд, во времени «есть по крайней мере нечто одно неизменное — человек». Мы уже знаем, что человек также сильно изменился — и его дух и, несомненно, даже самые тонкие механизмы его тела. Да и могло ли быть иначе? Духовная атмосфера претерпела глубокие изменения, гигиенические условия, питание изменились не меньше. И все же, по-видимому, в человеческой природе и в человеческих обществах существует некий постоянный фонд. Без этого даже имена людей и названия обществ потеряли бы свой смысл. Можем ли мы понять этих людей, изучая их только в их реакциях на частные обстоятельства определенного момента? Даже чтобы понять, чем они являются в этот именно момент, данных опыта будет недостаточно. Множество возможностей, до поры до времени мало проявляющихся, но каждый миг способных пробудиться, множество стимулов, более или менее бессознательных, индивидуальных или коллективных настроений останутся в тени. Данные единичного опыта всегда бессильны для выявления его же компонентов и, следовательно, для его истолкования. [7, с. 17].

Список литературы:

1. фон Кюгельген А. Легитимация среднеазиатской династии мангитов в произведениях их историков (XVIII–XIX в. в.). Алматы, Дайк Пресс, 2004.
2. Шанин Т. История поколений и поколенческая история // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 21–23.
3. Манхейм К. Консервативная мысль // Диагноз нашего времени. М., 1994.
4. Ортега–и–Гассет Х. Восстание масс.
5. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание, социальной реальности. М.: Добросвет, 1998.
6. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Полит. лит–ра, 1992.
7. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1986.
8. Toffler A. Future Shock. New York, Bantam Books, 1971.
9. Urry G. Sociology beyond Societies. Mobilities for the twenty–first century. London and New York, Routledge, 2000.
10. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999.
11. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Попурри, 1997.
12. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. СПб., 2002.
13. Социологическая теория: история, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб.: Владимир Даль, 2008.

References:

1. fon Kyugelgen A. Legitimatsiya sredneaziatskoi dinastii mangitov v proizvedeniyakh ikh istorikov (XVIII–XIX v. v.). Almaty, Daik Press, 2004.
2. Shanin T. Istoriya pokolenii i pokolencheskaya istoriya. Ottsy i deti: Pokolencheskii analiz sovremennoi Rossii. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2005, pp. 21–23.
3. Mankheim K. Konservativnaya mysl'. Diagnoz nashego vremeni. Moscow, 1994.
4. Ortega–i–Gasset Kh. Vosstanie mass.
5. Yadov V. A. Strategiya sotsiologicheskogo issledovaniya. Opisanie, ob"yasnenie, ponimanie, sotsial'noi real'nosti. Moscow, Dobrosvet, 1998.

6. Sorokin P. Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo. Moscow, Polit. lit–ra, 1992.
7. Blok M. Apologiya istorii ili remeslo istorika. Moscow, Nauka, 1986.
8. Toffler A. Future Shock. New York, Bantam Books, 1971.
9. Urry G. Sociology beyond Societies. Mobilities for the twenty–first century. London and New York, Routledge, 2000.
10. Toffler E. Tret'ya volna. Moscow, AST, 1999.
11. Fromm E. Begstvo ot svobody. Moscow, Popurri, 1997.
12. Lotman Yu. M. Besedy o russkoi kul'ture. Saint Petersburg, 2002.
13. Sotsiologicheskaya teoriya: istoriya, sovremennost', perspektivy. Al'manakh zhurnala “Sotsiologicheskoe obozrenie”. Saint Petersburg, Vladimir Dal, 2008.

Работа поступила в редакцию 20.05.2016 г.

Принята к публикации 23.05.2016 г.